

БОРИС МИХАЙЛОВИЧ ТЕПЛОВ

В ЭПОХУ, КОГДА ОТРИЦАЛОСЬ ЗНАЧЕНИЕ
ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ, ОН ИЗУЧАЛ
ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ
(1896 – 1965)

Начало биографии. Долгий путь в науку

Он родился в городе Туле. В анкетах и автобиографиях писал: «в семье инженера». Теперь можно уточнить и расширить эту осторожную формулировку. Он из дворянской семьи. Его дед получил права потомственного дворянина, а отец был не только видным инженером, но и членом товарищества, владевшего фабрикой, почетным гражданином Тулы. О высоком положении в городе и авторитетности его отца можно судить по такому эпизоду. Через год после смерти Льва Толстого один из его сыновей, Илья Львович, прислал письмо отцу Бориса Михайловича — оно сохранилось в семейном архиве («Его высокоородию Михаилу Владимировичу Теплову», большое письмо на 10 страницах) — с предложением возглавить работы по реконструкции усадьбы в Ясной Поляне. Отец Бориса Михайловича был высокообразованным, незаурядным человеком.

С ранних лет Бориса Михайловича учили французскому языку, которым он овладел в совершенстве, а в гимназии отлично освоил немецкий язык. Наряду с гимназическим он получил и основательное музыкальное образование (в дальнейшем, уже будучи в Москве, стал заниматься фортепиано у самого К.Н. Игумнова). Но все же детство его не назовешь счастливым. У него рано умерла мать. Когда ему было 4 года, пришла мачеха, у которой позже появились и

свои дети. Да и отец всегда был требовательным, строгим. Это не было беззаботное, теплое детство, скорее, трудовое, даже суровое. Гимназист старших классов мечтал уехать из дому.

В 1914 г. Борис Михайлович поступил на философское отделение историко-филологического факультета Московского университета, где стал специализироваться по психологии. На втором курсе, девятнадцатилетним, впервые переступил порог Психологического института при Московском университете — начал посещать «психологический практикум», которым руководил Г.И. Челпанов. Пройдут годы, и работа в этом институте станет основным содержанием его жизни, его судьбой.

В 1916 г. Б.М. Теплов был призван в армию. После окончания школы прапорщиков получил назначение в один из пехотных полков на Западном фронте, где и пробыл до окончания войны, участвовал в боевых действиях (по команде поднимался в атаку во весь свой высокий рост).

После Октября 1917 г. он был избран в своем полку на одну из командных должностей. К концу года демобилизован. С января 1918 г. Б.М. Теплов стал настоящим москвичом: служил помощником секретаря народного суда Тверского участка, возобновив одновременно занятия в университете. В феврале 1919 г. он был призван в Красную армию; его направили в Высшую школу военной маскировки (для

командного состава), которую он окончил в 1921 г. В то же время продолжал учиться в университете, который окончил тоже в 1921 г.

Вскоре Б.М. Теплов был назначен начальником Отдела опытных (научных) станций, занимавшихся вопросами военной маскировки. Уже там смогли раскрыться его научные и организаторские способности. Он выдвинулся как один из создателей маскировочного дела в Красной армии. Его интеллект, умение руководить, эрудиция, подлинно научный подход к проблемам обеспечивали высокую эффективность работы. Ему было присвоено воинское звание командира бригады (комбрига) — это было стремительное продвижение по службе.

Чтобы связать свою работу в научно-исследовательских учреждениях Красной армии с психологической наукой, Борис Михайлович установил тесное сотрудничество с Психологическим институтом. Здесь с 1929 г. он руководил исследованиями по заданиям Высшего технического управления РККА. В 1933 г. Б.М. Теплов был уволен в резерв РККА. Теперь главным местом работы — до конца его дней — стал Психологический институт.

Самоопределение в психологии

Первые психологические исследования Бориса Михайловича относились к области зрительных ощущений и восприятий: вопросы взаимодействия одновременных световых ощущений, соотношение пространственного и временного смещений цветов и др., имевшие не только практическое, применительно к задачам военной маскировки, но и существенное теоретическое значение, в частности, для цветоделения. Эти исследования были образцом методической четкости, доказательности. К ним примыкают и проводившиеся позднее работы в области слуховых восприятий. Б.М. Теплов как психолог начинал с изучения простейших пси-

хических функций, применяя измерительные методики и добиваясь строгих количественных оценок. Но его интересы и устремления в психологии отнюдь не сводились к этому.

Сразу же после ухода из военного ведомства он начинает заниматься психологическими аспектами музыкальности в Психологическом институте. Переходом от прежних работ к новым стало для него углубленное изучение слуховых ощущений и восприятий, столь близких ему как музыканту. Сначала Б.М. Теплов подверг анализу музыкальный слух, а затем и музыкальные переживания.

Такое направление исследований явилось выражением никогда не покидавшего его увлечения музыкой. Музыка занимала большое место в его жизни. Он часто бывал на концертах в консерватории, слушал оперы. А.А. Смирнов вспоминал: Б.М. Теплов еще во второй половине 20-х — начале 30-х гг. занялся изучением творческих особенностей 7 московских певиц — исполнительниц партии Татьяны в «Евгении Онегине»; он посещал оперные представления и фиксировал во время действия своеобразие каждой из «семи Татьян». Эта работа докладывалась «на заседании в Академии художественных наук», но, к сожалению, до нас не дошла¹.

В течение ряда лет он читал курс лекций по психологии специально для преподавателей музыки. При этом он заинтересованно общался с аудиторией, вникал в практический опыт своих слушателей, готовил ответы на вопросы, которые ему задавались. Именно при чтении этого курса и зародилась у него идея психологически исследовать проблему музыкальных способностей.

Имеется достаточно свидетельств того, что его влекли к себе в психологии не столько элементарные психические свойства и их предпосылки (хотя в силу разных обстоятельств ему пришлось больше всего заниматься именно

¹ Смирнов А.А. Борис Михайлович Теплов по воспоминаниям о нем // Психология и психофизиология индивидуальных различий. М., 1977. С. 12.

этим), сколько высшие потенции человека. Это подтверждают и две его ставшие знаменитыми работы: «Психология музыкальных способностей», написанная во второй половине 30-х гг. и защищенная в качестве докторской диссертации в 1940 г., и «Ум полководца», написанная в 1942 г. Эти труды подводили итог исследованиям, направленным на раскрытие собственно человеческого, личностного в людях.

Главное в замысле обеих работ — изучение индивидуальных различий. Трудно сказать, когда именно уловил, осознал Борис Михайлович жизненное значение и актуальность проблемы индивидуальных различий. Возможно, что установка на индивидуальность пришла к нему как своеобразная реакция на происходящее вокруг: он мог почувствовать необходимость сосредоточиться на ней, поставить ее в центр внимания под действием впечатлений от подавления, нивелирования личностей, которые он наблюдал в социуме. Как бы то ни было, но остается фактом, что в эпоху, когда господствующая идеология поставила целью «формирование нового человека», когда от педагогов, как и от писателей, требовалось быть «инженерами человеческих душ», когда утверждалось, что исходно все равны, когда в слове «одаренность» стали видеть нечто идеалистическое, о чем педагогу лучше не знать, именно в эти годы Борис Михайлович решил направить свою научную работу в русло изучения индивидуальных различий.

Этому направлению исследований он остался верен до конца. Прижизненное собрание своих трудов он назвал «Проблемы индивидуальных различий» (М., 1961).

Тогда, во второй половине 30-х гг., он не собирался вступать в идеологические или философские споры относительно неодинаковости людей и значения индивидуальных различий. Он задумал и стал осуществлять чисто эмпирические, опирающиеся на факты изыскания, которые могли бы противостоять возмож-

ным претензиям самых требовательных психологов. Он взялся за собственно исследовательский труд по психологии индивидуальных различий в определенном виде деятельности (в занятиях музыкой), по всем канонам современной ему психологии, не слишком подчеркивая, а скорее приглушая, сохраняя в подтексте его гуманистический пафос.

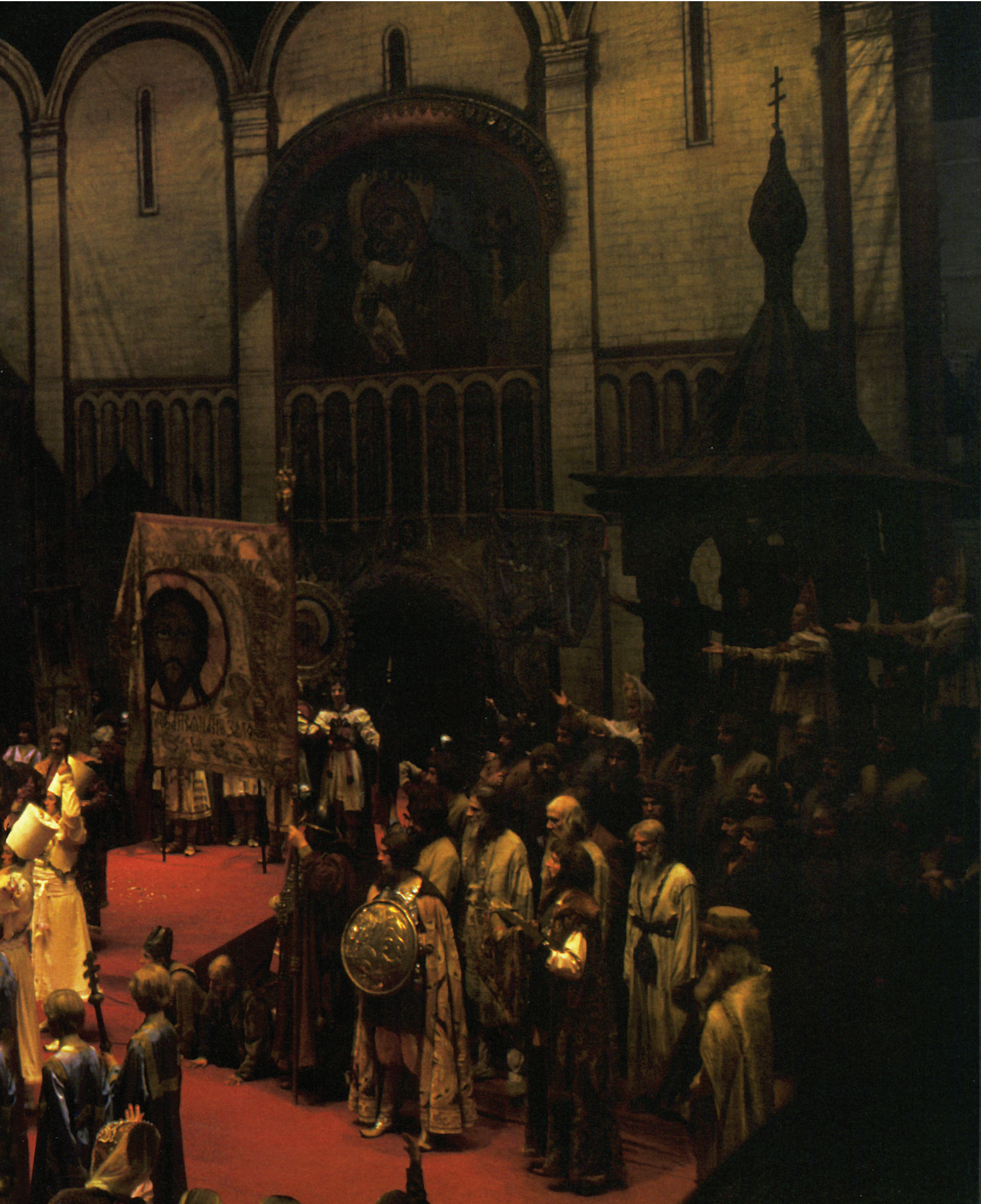
Способности и одаренность

Первая статья Б.М. Теплова по проблеме способностей и одаренности была опубликована в 1940 г. в журнале «Советская педагогика» (до этого в течение нескольких лет после постановления ЦК ВКП (б) о педологии никто из советских психологов не упоминал о таких понятиях); более полный ее вариант с измененным названием был напечатан в 1941 г. в «Ученых записках Государственного научно-исследовательского института психологии». Статья представляла собой извлечение из вводной части его докторской диссертации. В ней были рассмотрены основные понятия, относящиеся к области способностей, и дана критика некоторых ошибочных точек зрения. По тому времени эта статья была в высшей степени новаторской.

Способности рассматривались Б.М. Тепловым в плане индивидуально-психологических различий. Дифференциальный момент он ввел в само определение понятия: «Во-первых, под способностями понимаются индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого...»². Далее в определении же отмечается, что способности не сводятся к знаниям, навыкам и умениям. Последнее означает, что, как ни велико для субъекта деятельности значение того, что можно усвоить, перенять, нельзя не учитывать и собственно внутренние индивидуальные предпосылки психологических свойств, влияющие на успешность деятельности.

² Теплов Б.М. Избранные труды. Т. I. М., 1985. С. 16.

Посещение театра.
Опера М.П. Мусоргского «Борис Годунов»
(по трагедии А.С. Пушкина)

Большой зал Московской
консерватории

Через всю статью проходит мысль, что способности существуют только в развитии, что нельзя говорить о способности, достигшей предела развития (достаточно усовершенствовать методы воспитания и обучения, чтобы «пределы» развития способностей повысились).

Понятие «одаренность» Б.М. Теплов определял как «качественно своеобразное сочетание способностей», тем самым указывая, что различия в одаренности выступают не только в том, что у одного человека одаренность преимущественно в такой-то области, а у другого — в иной, но и в том, что люди, проявляющие себя в одной и той же области деятельности,

отличаются по составу, структуре своих способностей. Отсюда следует, что успешная, творческая деятельность осуществляется по-разному на основе разных внутренних свойств, отличающих индивидуальность.

Б.М. Теплов отмечал сложную, опосредствованную зависимость развития способностей от их природных предпосылок, выступая тем самым против биологизаторских и механистических концепций различий между людьми по способностям. Принципиальная позиция Б.М. Теплова состояла в том, что фаталистические представления должны быть преодолены не игнорированием самой проблемы природ-

ной обусловленности индивидуальных различий, а правильным ее разрешением. Многие из приведенных положений могут теперь казаться самоочевидными, настолько они вошли в научный обиход.

Психология музыкальных способностей

Чтобы судить о значимости вклада Б.М. Теплова в разработку вопросов способностей и одаренности, следует обратиться не только к вводной части исследования (представленной в статье), но и к самой монографии (впервые опубликована в 1947 г.). В ней были развиты представления об отдельных музыкальных способностях

и музыкальной одаренности как целостного явления. Наряду со своим специальным содержанием (изучение музыкальности, понимаемой как единство эмоциональной отзывчивости на музыку и особенностей слухового восприятия, «слышания» музыки) этот труд со всей отчетливостью раскрывал общие установки автора.

Покажем на примерах, насколько полно обосновывались развиваемые в книге идеи. Тезис об определяющем значении деятельности для становления способностей выводился на основе эмпирических данных, а не задавался в общем виде. Так, например, факты свидетельствовали, как ни странно на первый взгляд, что

нет соответствия между чувствительностью к точности интонации и чувствительностью к различению высоты звука. Дело в том, что музыкальная деятельность развивает чувствительность к точности интонации, но не требует сравнения высоты отдельных звуков; лишь практика сравнения высоты звуков, например, настройка инструмента развивает собственно чувствительность к различению высоты. Благодаря выяснению соотношения этих двух чувствительностей и путей их развития удалось прийти к важному выводу о том, что не бывает абстрактных психических функций, которые только «использовались» бы по мере надобности: всякая функция как бы вырастает, создается в процессе той или другой деятельности.

Точно так же анализ данных ряда специальных исследований показал, что музыкальные слуховые представления возникают и развиваются не сами собой, а лишь в процессе деятельности, которая с необходимостью их требует (самые элементарные формы такой деятельности — пение и подборание по слуху — не могут осуществляться без музыкальных слуховых представлений).

О том, насколько не был односторонним или предвзятым подход Б.М. Теплова к пониманию индивидуальных различий, позволяют судить рассмотренные в монографии материалы о ранних проявлениях музыкальности. Во всех таких случаях, сколько-нибудь подробно описанных в литературе или наблюдавшихся Б.М. Тепловым, были обнаружены или прямая забота родителей о музыкальном развитии ребенка, или хотя бы достаточное богатство музыкальных впечатлений. Такого рода сведения подводят к заключению, что ранние проявления музыкальных способностей зависят не только от задатков: даже самые одаренные дети научаются воспроизводить голосом мелодии, научаются соблюдать точность интонаций, научаются правильно передавать ритм музыки. Анализ протоколов наблюдений показал, например, что дети даже с самыми замечательными данными в отношении музыкального слуха учатся

петь путем бесчисленных проб. Другими словами, музыкальные способности возникают и развиваются в музыкальной деятельности ребенка, сначала, конечно, в самых ее примитивных формах.

Через всю книгу проходит выдвинутый Б.М. Тепловым тезис о преимущественном значении качественного подхода к проблеме способностей. Этот тезис имел обоснование, опять-таки, в конкретном анализе музыкальности, в самих эмпирических данных. Исследование показало, что способности, составляющие основу музыкальности, — «ладовое чувство», «способность к слуховому представлению», «музыкально-ритмическое чувство» — хотя и выступают в единстве, но могут быть в разном соотношении друг с другом. В частности, специально организованные наблюдения продемонстрировали, что для одной части дошкольников, с успехом занимавшихся в музыкальной группе, ведущую роль играют одни из этих способностей, а для другой — другие. Тем самым выяснилось, что и при одинаково высоком уровне музыкальности дети могут сильно отличаться друг от друга по своеобразию их музыкальных способностей. Анализ, проведенный в этом направлении Б.М. Тепловым, был продолжен. Обнаруживались качественные различия, относящиеся к отдельным способностям. Например, слуховые представления, даже сильно выраженные, могут быть разной степени произвольности, разной яркости и полноты, сохранять по преимуществу тембр звучания или звуковысотные отношения и т. п. Факты такого рода индивидуальных различий давали дополнительные основания для очень важного вывода о том, что одна и та же деятельность может осуществляться психологически разными путями и что возможна в широких пределах компенсация одних способностей другими.

С разных сторон анализируются в монографии и данные о природных предпосылках музыкальных способностей. Музыкальность человека дает некоторую общую формулу Б.М. Теплов, зависит от его врожденных инди-

видуальных задатков, но она есть результат развития, результат воспитания и обучения.

Книга о музыкальности может служить образцом научной строгости и многосторонности в подходе к эмпирическим материалам. Когда Б.М. Теплов делает обзор литературы, он не только обращается к выводам того или иного автора, но и соотносит их с фактической стороной работ, детально вникает, где это возможно, в таблицы и протоколы, нередко по-новому, более обоснованно интерпретирует исходные данные. Он охотно использует материалы многолетних наблюдений за отдельными испытуемыми, учитывая все промежуточные сдвиги показателей. Его собственные эксперименты всегда сопровождаются подробнейшими протокольными записями. Необыкновенная тщательность сочетается у него с удивительной психологической проницательностью.

Главное, что было достигнуто в этом труде: проблема индивидуальных различий в сфере способностей со всей определенностью и неопровержимостью заявила о себе. Ее уже труднее стало игнорировать.

Ум полководца

В разгар Отечественной войны, в трудных условиях эвакуации Б.М. Теплов подготовил работу, впервые напечатанную в несколько сокращенном виде в 1943 г. под названием «Ум и воля военачальника» и вторично в 1945 г. в более полном виде — под названием «К вопросу о практическом мышлении». В книге своих избранных трудов («Проблемы индивидуальных различий», 1961) Б.М. Теплов дал новое (ставшее окончательным) название этой работе — «Ум полководца».

Исследование, написанное по военно-историческим материалам, отвечавшее насущным задачам той поры, когда оно создавалось, представляет и теперь очень большой интерес и сохраняет свое научное значение. В нем речь

идет, по определению автора, «об общих умственных способностях, о качествах ума, требуемых определенным видом практической деятельности»³.

Необычной была уже сама направленность работы — обоснование того, что умственная деятельность в «практической» сфере не является более простой или менее ценной, чем собственно теоретическая деятельность. Новизна и значимость работы были и в другом. В ней дан анализ особенностей отдельных выдающихся людей, раскрыто значение внутренних личностных условий для успешного выполнения деятельности.

При этом свойства личности отнюдь не выступают здесь как «проекция» особенностей деятельности. Хотя данная область деятельности, как и всякая другая, как бы производит отбор нужных ей личностей и нужных свойств и оказывает свое формирующее воздействие, субъект деятельности, как это показано Б.М. Тепловым, совершает выбор способов деятельности, оценивает происходящее, творит свое участие в ней. Каждый достигает нужного результата по-своему — индивидуальность накладывает отпечаток на деятельность.

Анализ материалов о выдающихся полководцах позволил обнаружить своеобразную диалектику умственных способностей, а именно необходимость совмещения противоположных качеств мышления: быстроты и неторопливости, осторожности и смелости, гибкости и устойчивости. Б.М. Теплов подробно раскрывает такие умственные черты, как «схватывание» целого при одновременном внимании к деталям, способность находить быстрое решение, умение предвидеть и др. Было выявлено также значение знаний, образованности для роста способностей. Все содержание работы показывало, какого высокого, разностороннего развития личности требует «практическое мышление».

³ Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961. С. 6.

Характернейшая особенность рассматриваемой работы состоит в том, что собственно умственные свойства раскрыты в ней в тесной связи с другими сторонами личности, прежде всего с особенностями воли. Одаренность полководца не может быть понята только как проявление интеллекта, она заключается в единстве интеллектуальных, волевых и эмоциональных моментов. Многосторонность анализа позволила получить полнокровные и убедительные, подлинно личностные характеристики.

Свежим ветром пахнуло от этой работы: она показывала, что научная психология может быть подлинно жизненной, помогающей разобраться в очень сложных психологических проявлениях личности.

Личностный подход к проблеме интеллекта, равно как и содержащаяся в работе постановка проблемы интуиции, весьма актуальны и для современной психологии.

Подходы к изучению творческих личностей

Особо следует обратить внимание на разработку Б.М. Тепловым вопросов психологического изучения выдающихся творцов, больших талантов. Согласно развиваемой им концепции, характерная для многих выдающихся людей возможность проявлять себя в различных областях деятельности не представляет собой «случайного совпадения» различных талантов, одаренность не сводится к способностям, относящимся к определенной области деятельности человека, — она шире его специализации.

Б.М. Тепловым было показано, что достижения зависят не только от способностей, но, в частности, и от волевых особенностей. Книга о музыкантах писалась раньше, чем работа о военачальниках, но уже в ней отмечено, что многие выдающиеся музыканты могут быть с полным правом названы людьми великой воли и что без изучения этой стороны невозможно дать психологический анализ их творческой личности; в

работе о выдающихся полководцах сквозная мысль — обоснование неразрывной связи единства ума и воли. Человек, как это подчеркивалось Б.М. Тепловым, активно откликаясь на требования деятельности, волевыми усилиями реализует, осуществляет себя в ней.

Проявления одаренности, по Б.М. Теплову, — это вся личность. У него можно встретить и вывод о том, что «не бывает у человека никаких способностей, не зависящих от общей направленности личности»⁴.

С этим перекликаются и размышления Б.М. Теплова в «Заметках психолога при чтении художественной литературы» о личности Сальери (по драме Пушкина «Моцарт и Сальери») ⁵: не в степени музыкальной одаренности основной контраст между Моцартом и Сальери. Источник трагедии Сальери, считает Б.М. Теплов, в его страшной узости, в том, что музыка для него — единственный интерес, сделавший его глухим ко всем другим впечатлениям жизни.

Согласно Б.М. Теплову, различия по одаренности — это различия индивидуальностей. Значение, которое он придавал индивидуальности, непохожести на других, обнаруживается и в том, что у людей, способных к высшим достижениям, он в соответствии со своей общей концепцией стремился выявить своеобразие возможностей, качественные особенности одаренности. Показательно в этом отношении его сопоставление индивидуальных особенностей Н.А. Римского-Корсакова (для которого характерно было сочетание слухового и зрительного воображения) и П.И. Чайковского (с его особой расположенностью «эмоционально погружаться» в захватывающее его содержание): один психологический тип — идущий в своем творчестве от воображения, другой — от чувства.

Для развиваемых им взглядов характерно признание ценности самых разных индивидуально-типических особенностей, обеспечиваю-

⁴ Теплов Б.М. Избранные труды. Т. I. С. 46.

⁵ Там же. С. 307–309.

щих творческое выполнение деятельности. Своеобразие способностей, которое отличает одну индивидуальность от другой, является залогом ценности человека для общества.

Идеи Б.М. Теплова об одаренности как своеобразной структуре психических свойств, об индивидуально-типических различиях как вариантах, которые могут быть одинаково ценными, стали отправными для ряда научных работ его учеников и последователей. Психологические представления, почерпнутые из работ Б.М. Теплова, многие годы были основным источником освещения проблемы способностей и одаренности в нашей учебной и научно-популярной литературе.

В тандеме с А.А. Смирновым

В 1945 г. директором Психологического института стал А.А. Смирнов, а его заместителем Б.М. Теплов. При новом руководстве начался период расцвета института. К тому времени институт был переведен из системы университета в систему Академии педагогических наук. Число сотрудников в нем быстро росло. Проводились большие наборы аспирантов. Единственное в РСФСР и самое крупное в Союзе психологическое учреждение, оно «задавало тон» в психологии и несло на себе ответственность за состояние ее дел. Это был центр, где разрабатывались вопросы теории и методов, выдвигались задачи, стоящие перед психологами «на данном этапе». Здесь готовились и проводились всесоюзные совещания по психологии — задолго до того, как начались съезды Общества психологов.

В эти годы раскрылись необыкновенные возможности Б.М. Теплова как крупномасштабного руководителя, как деятеля науки. В послевоенное десятилетие он был самым влиятельным из наших психологических лидеров, хотя и не занимал очень высоких постов и был беспартийным (беспартийным

был и А.А. Смирнов). Его высочайшая образованность и культура, необычайно проницательный ум, сильный волевой характер делали его главной фигурой на «психологическом Олимпе». Значительность его как ученого и как личности были для всех причастных к психологии очевидны — его немного побаивались, почитали и любили. Любопытные штрихи к его характеристике — в воспоминаниях А.В. Запорожца: «Он обладал поразительной способностью усматривать существо дела в самых запутанных обстоятельствах, безразлично, относились ли они к области научной теории или к жизненной практике. Всем нам часто приходилось наблюдать, как в ходе затянувшейся дискуссии, когда выступающие громоздили противоречивые аргументы один на другой и окончательно запутывали проблему, одно короткое выступление Б.М. Теплова проясняло сгустившуюся тьму и намечало правильный выход из создавшегося положения»⁶.

В политическом лексиконе иногда употребляются слова «харизматический лидер» — человек, который может увлекать, вести за собой в силу своих исключительных личностных качеств, благодаря мощи и обаянию своей личности (сейчас говорят об этом в связи с нехваткой у нас таких лидеров). Борис Михайлович обладал «харизмой». Его научные и иные оценки не только принимались умом, ему верили, к нему тянулись.

На заседания Ученого совета института приходили все (или почти все) сотрудники, так как там мог выступать Б.М. Теплов. Когда его не было, Совет редел, атмосфера заседания становилась не столь интеллектуально напряженной. На сессии института, где он делал обзорные доклады, приходили и из других, связанных с медициной или педагогикой научных учреждений Москвы. Приходили «на Бориса Михайловича Теплова».

⁶ Запорожец А.В. Мои воспоминания о Б.М. Теплове // Психология и психофизиология индивидуальных различий. М., 1977. С. 22.

Его интеллект поражал окружающих. В ту пору он с полной отдачей участвовал в обсуждениях многих научных проблем, включался в подготовку различных изданий. При этом какие-нибудь веяния в смежных науках, предложенная кем-то удачная методика вызывали у него подъем энергии. Казалось, что он излишне растрчивает себя в повседневной текучке научного руководства, бесконечном оппонировании, редактировании, участии в различных заседаниях.

В эти годы он многое сделал для истории психологии: опубликовал статьи о психологических взглядах И.М. Сеченова, В.Г. Белинского, А.И. Герцена. Он разработал и читал в МГУ курс лекций по истории мировой психологии (от античности до XIX в.). Им был написан учебник психологии для старших классов школы, выдержавший 8 изданий (1946—1953) и переведенный на 14 языков.

Творческая энергия Б.М. Теплова смогла так широко проявиться во многом благодаря поддержке А.А. Смирнова, выдающегося организатора науки, умевшего создавать благоприятный климат для работы. Они совместно руководили институтом при полном взаимопонимании в подходе к общепсихологическим проблемам, в решении кадровых вопросов и т. д. Они прекрасно дополняли друг друга.

Нельзя забывать, какая общественно-политическая атмосфера была в стране в те годы. Конец 40-х — начало 50-х гг.: репрессии, невероятный культ Сталина и партии, так называемые дискуссии, жестко направляющие в определенное русло различные области науки и культуры. Все это, разумеется, не могло не оказывать вредоносного влияния на то, что делалось в психологии. Но благодаря таким деятелям, как А.А. Смирнов и Б.М. Теплов, некоторые мрачные веяния той поры проявились в психологии не так сильно, а то и вовсе прошли стороной. Психологический институт оставался неким оазисом, где сохранялись многие нормы порядочности и проявления бескорыстной преданности науке. Трудно

переоценить в этом заслуги тандема Смирнов — Теплов. Директору и его заму по науке удавалось во многих непростых ситуациях отстаивать интересы психологии, да и благополучие отдельных психологов (что требовало определенного мужества).

Оба — ученые высшего класса, последние представители прежней русской интеллигенции, гуманисты, проявившие себя и как мудрые политики. Да, они вынуждены были стать конформистами, т. е. в политическом отношении уподобиться окружающим, принять «правила игры». Но на путях конформизма они не теряли чувства меры, блюдя свою порядочность, достоинство.

Дополнительные трудности для Бориса Михайловича были связаны с тем, что после печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ нашлись психологи, которые повели атаку на его любимое детище — теорию различий между людьми по способностям. Объектом резкой критики стало понятие «задатки», подозрительно напоминавшее понятие «гены». Для ревнителей чистоты «самой передовой в мире» науки неприемлемо было признание каких-то исходных внутренних предпосылок различий по способностям. И был момент, когда Борис Михайлович поддался: в третьем и четвертом изданиях его учебника «Психология» (1949, 1950) вдруг исчез термин «задатки». Правда, в пятом издании он вновь вернулся на свое место и оставался там во всех последующих.

Не хотелось бы, чтобы создалось впечатление, что у Б.М. Теплова недоставало характера. Под стать его интеллекту была и его воля! Он умел заставлять себя. И умел преодолевать препятствия. Но какая у него могла быть альтернатива конформизму? Не так просто представить себе, что ему пришлось претерпеть, как «пригибаться», если не «ломаться», в общественном климате тех лет.

«Лысенковский период», отозвавшийся в психологии безудержным пафосом формирования и столь же решительной критикой представлений о природно-генетической

основе индивидуально-психологических различий, лишал Бориса Михайловича возможности по-прежнему заниматься изучением различий по способностям: атмосфера была слишком накалена, а ситуация просто небезопасна. Борис Михайлович решил «переждать», как бы отойти в сторону, занимаясь историей психологии. Вместе с тем начиналась новая политическая кампания в науке — приближалась павловская сессия двух академий (1950).

Б.М. Теплов всегда с пиететом относился к трудам И.П. Павлова и к самой личности ученого. Он, как и Л.С. Выготский и С.Л. Рубинштейн, был склонен многое почерпнуть из павловского объективного метода изучения психики. С трудами И.П. Павлова он был знаком не понаслышке. Когда же началось решительное толкование павловского наследия и на его основе стала провозглашаться «перестройка» психологии, оценка такой «кампании» Борисом Михайловичем не могла быть однозначной. Он считал, что обращение к Павлову было противовесом лысенковщине. Ведь павловские работы — это серьезная наука. При этом он, конечно же, понимал безнадежность попыток «слияния» психологического и физиологического подходов применительно ко многим собственно психологическим проблемам. Но в некоторых разделах психологии такое сближение представлялось ему перспективным. В павловском наследии он особенно ценил учение о типах высшей нервной деятельности.

Сам И.П. Павлов, как известно, связывал типы нервной системы с различиями по темпераментам, что получило всеобщее признание. Но Борис Михайлович увидел в типологических свойствах нечто большее — подлинное доказательство существования природных предпосылок широкого спектра индивидуально-психологических особенностей.

Б.М. Теплов становится психофизиологом

Борис Михайлович принял поистине судьбоносное для его дальнейшей научной жизни решение: он перевел работу своей лаборатории в основном в психофизиологическое русло. Научной программой «на перспективу» стало исследование физиологических основ индивидуально-психологических различий. Такая цель воодушевляла его. Вероятно, это было и поиском «ниши», где можно было заниматься честной работой, — он оставался в пределах добросовестной, доказательной науки.

Чтобы обосновать возможность и перспективность изучения свойств нервной системы применительно к человеку, потребовался анализ истории изучения типов высшей нервной деятельности в лабораториях И.П. Павлова. Была написана удивительная статья (если можно назвать «статьей» работу в 10 печатных листов), где Б.М. Теплов систематизировал огромный фактический материал и критически осмыслил сами представления о типологических свойствах. Об этой статье как «историческом очерке» подробно написал М.Г. Ярошевский⁷, отметивший, что в ней дается поражающий не только эрудицией, но и глубиной проникновения в динамику идей анализ одного из наиболее важных для психологии разделов павловского учения.

В этом труде Б.М. Теплов пришел к выводам о том, что типы нервной системы различаются не по уровню совершенства нервной деятельности, а по ее своеобразию; что главное научное значение имеет выделение типологических свойств, а не традиционная классификация типов; что свойства нервной системы образуют почву, на которой легче формируются одни формы поведения, труднее — другие; что возможно открытие новых свойств нервной системы и «расщепление» ранее известных; что наряду с «общими» типологическими свойствами, характеризующими нервную систему в

⁷ Ярошевский М.Г. Б.М. Теплов как историк психологии // Вопросы психологии. 1966. № 5.

целом, существуют «частные» (парциальные) свойства, характеризующие работу отдельных областей коры и др.

Б.М. Теплов исходил из того, что свойства типа нервной системы относятся к внутренним условиям формирования индивидуально-психологических свойств. Он указывал, что трудная и длительная работа по изучению природных свойств нервной системы откроет дорогу к объяснению *происхождения* некоторых индивидуальных особенностей.

Можно поражаться энергии, энтузиазму, интеллекту ученого, на переломе жизни взявшегося за такой труд. Вскоре были получены экспериментальные подтверждения ряда выдвинутых им положений. Важное значение имело доказательство того, что слабость нервной системы связана с ее высокой чувствительностью, реактивностью (исследования В.Д. Небылицына). Тем самым получила подтверждение гипотеза Б.М. Теплова о ценности разных полюсов типологических свойств (в частности, такого свойства, как сила — слабость).

При подходе к вопросам психологического значения свойств нервной системы Б.М. Теплов предостерегал от слишком прямолинейных заключений: слабость нервной системы (а следовательно, ее высокая чувствительность) в сфере слухового анализатора еще не означает музыкального слуха.

Уже через несколько лет интенсивных исследований стала возникать новая пограничная область науки — дифференциальная психофизиология, основанная на строгом эксперименте и подводящая естественнонаучную базу под изучение некоторых индивидуально-психологических различий (поначалу в области ощущений, времени реакций, а также и более общих динамических особенностей психики). Новое направление исследований постепенно стало значительным явлением в психологии.

Теперь на основе теоретического и экспериментального изучения свойств нервной системы, опираясь на факты, Б.М. Теплов мог выступить против представлений о желательности и возможности «формировать» человеческую натуру. У некоторых психологов (как и у идеологов той поры) была установка — все в человеческой психике можно и нужно изменять, переделывать, формировать. Применительно к своему объекту изучения Б.М. Теплов утверждал: «Иногда полагают, что надо отыскивать пути изменения свойств нервной системы в желательную сторону. Такую точку зрения нельзя считать правильной. Во-первых, мы еще ничего не знаем о путях и способах изменения свойств нервной системы, но твердо знаем, что это изменение может совершаться лишь очень медленно и в результате изменения каких-то биологически существенных условий жизни. Во-вторых, неизвестно, что следует считать «желательными» свойствами нервной системы»⁸. И далее разъяснял на конкретном примере: «Слабая нервная система — это нервная система малой работоспособности (в физиологическом смысле!), но высокой чувствительности. Кто возьмется решить в общей форме, какая нервная система лучше: более чувствительная, но менее работоспособная, или менее чувствительная, но более работоспособная?» Он недвусмысленно указывает: «Изменение свойств нервной системы должно вести в конце концов к нивелированию индивидуальности, к желанию сделать всех людей одинаковыми». И еще раз подчеркивает: «Общество заинтересовано в богатстве и разнообразии индивидуальностей у социально ценных личностей, в расцвете индивидуальностей, а не в нивелировании их»⁹.

Это не было прямым спором с коллегами, ведь он писал уже не о способностях и одаренности. Но имеющий уши да слышит! Это было достаточно мощное противодействие спекуля-

⁸ Теплов Б.М. Избранные труды. Т. II. С. 189.

⁹ Там же.

циям относительно безмерных возможностей формирования психических свойств, противодействие, позволявшее психологии в целом сохранять свое научное лицо.

В дальнейшем идейная атмосфера стала относительно более свободной, и Б.М. Теплов мог бы вернуться к своей излюбленной теме на собственно психологическом уровне. Но он уже был общепризнанным авторитетом в физиологии высшей нервной деятельности, высококомпетентным в электрофизиологии, в области математической статистики (показательна его статья о факторном анализе) — он уже не мог оставить возглавляемую им большую коллективную работу.

С точки зрения личной судьбы Б.М. Теплова, вряд ли можно назвать естественным или тем более благоприятным для него принятое им «самоограничение» — прежде всего изучить физиологические предпосылки индивидуальных различий. Скорее, в этом можно видеть некоторый драматизм его судьбы, когда психологу по призванию пришлось отойти, хотя по замыслу и временно, но на деле до конца жизни, в смежную область науки.

Больше, чем ученый

Есть некая загадочность в Теплове-психологе. С одной стороны, перед нами ученый, тяготеющий к лабораторным изысканиям, к точным методам, с преимущественным интересом к первоосновам психики. С другой стороны, он обобщает материалы о личности выдающихся музыкантов, об интеллекте и чертах характера крупнейших полководцев — его работы такого плана поражают полнотой привлекаемых материалов, глубиной анализа: подлинная психология личности, основанная на систематизации жизненных фактов (черпаемых, в частности, из мемуарной литературы). Обе линии работ могли быть представлены в одном и том же труде (например, в монографии «Психология музыкальных способностей»), но все же это были совсем разные типы исследования. Нельзя не удивляться тому, что один и тот же ученый мог

столь совершенно владеть спецификой таких разных форм исследовательской работы и с воодушевлением заниматься каждой из них.

И еще одно противоречие: в каждой из отмеченных линий работ Б.М. Теплов выступал как «ученый-классик» (по известной классификации В. Оствальда), добивавшийся фундаментальности и завершенности своих изысканий; в разноплановости же его исследований, в переходах от одного жанра к другому проявляется, скорее, «ученый-романтик» (согласно той же классификации), стремящийся к обновлению и разнообразию идей.

Вместе с тем во всех его трудах было нечто общее, «тепловское». В основных жанрах его работ — лабораторно-экспериментальных, психофизиологических, описательно-аналитических по психологии личности, по истории психологии — главенствующим является интерес к реалиям, к самим фактам. Наиболее органичными для Б.М. Теплова были собирание и систематизация психологически значимых материалов. «Почерк автора» — во внимании к конкретике, в тщательности анализа исходных данных (полученных ли в опытах, содержащихся ли в литературных источниках).

При этом он обладал здравым смыслом и не поощрял чрезмерного теоретизирования. Ему были чужды абстрактное философствование, словесные построения, становящиеся самоцелью, уводящие от реальных проблем, — он умел отличать психологически значимое от надуманного, схоластического. Его здравые, трезвые оценки отдельных работ и возникавших тенденций развития психологии во многом опирались на особую чуткость к потребностям жизни, практики.

В свете всего сказанного удивительные повороты его творческого пути, недостаток цельности в его научном наследии вряд ли можно объяснить только указанными выше драматическими обстоятельствами в жизни нашего общества и состоянием психологической науки. Вероятно, источник противоречивости его творчества коренился и в самой личности ученого. М.Г. Ярошевский в

Студентом Б.М. Теплов любил бродить по улицам и переулкам Москвы, проходить через Кремль, где мог подкрепиться просфорами

Панорама Соборной площади Кремля.
В центре — Архангельский собор.
Слева — Благовещенский собор

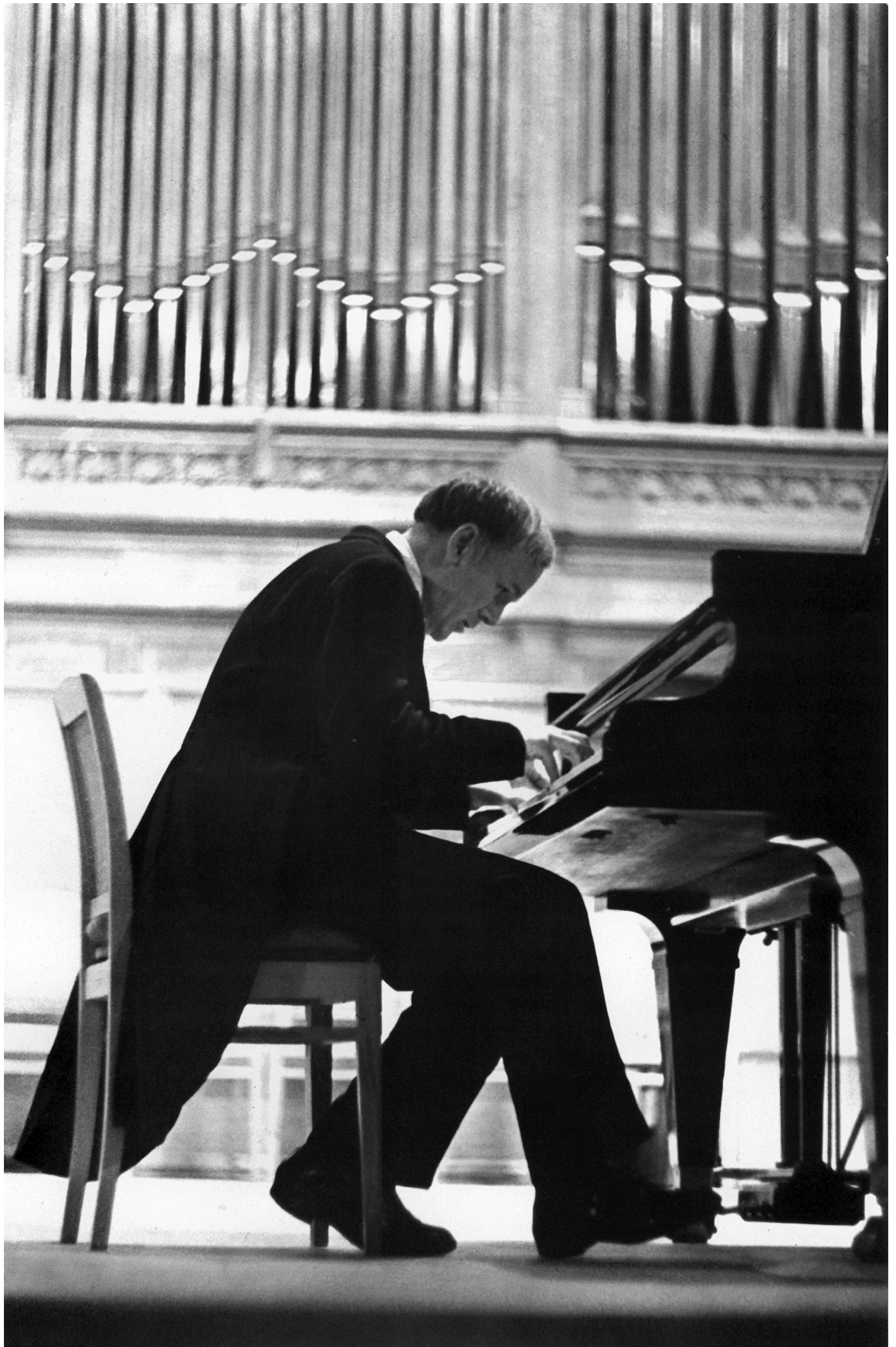
своих воспоминаниях о Б.М. Теплове написал: «В историю вошли и труды Б.М. Теплова и его личность...»¹⁰.

Бориса Михайловича отличала исключительная широта интересов. Он был на самом современном уровне осведомленности в области общественных и биологических наук — систематически, глубоко изучал научную литературу, следил за периодикой. Но наука не была единственным центром его познавательных, духовных устремлений: огромное место в его жизни занимал мир искусства. Как уже отмечалось, он создал вузовский курс музыкальной психологии; его труд о музыкальных способностях был не только собственно психологическим, но и музыковедческим. Он отнюдь не дилетантски интересовался изобразительным искусством (находил время для посещения музеев, руководил диссертациями по изобразительному искусству). По его инициативе была создана и ряд лет продуктивно работала в Психологическом институте лаборатория психологии искусства. Особенно много внимания он уделял художественной литературе: он знал как классику, так и новейшую литературу, как прозу, так и поэзию (многие стихотворные тексты читал наизусть, в том числе на французском и немецком языках); был глубоко сведущ в литературоведческой литературе. Таким образом, его познания и неустанная работа по обогащению новыми знаниями превосходили то, что могло быть им практически использовано. Его ум, которому все было интересно и все доступно, без усталости жаждал «пищи». Как бы чрезмерная, избыточная эрудиция, касающаяся всей сферы культуры, — одна из ярких особенностей Б.М. Теплова.

В центре всех интересов Бориса Михайловича — не только в науке, искусстве, но и в жизни — был человек, его индивидуальность. Он подолгу беседовал с отдельными сотрудниками, аспирантами, испытуемыми. У него был особый дар — в живом общении понимать людей, находить индивидуальный подход к каждому.

¹⁰ Ярошевский М.Г. Личность ученого // Психология и психофизиология индивидуальных различий. М., 1977. С. 25.

За роялем Святослав Рихтер

Сам он отличался яркой индивидуальностью. Он был натурой увлекающейся, переменчивой (бывал и раздражительным, иногда мнительным). Критичность и даже некоторая «злобность» ума смягчались его юмором. Он бывал как сжатая пружина. За часто возникавшей на лице полуулыбкой угадывались волевое напряжение, самообладание. По-видимому, ему приходилось постоянно сдерживать свой динамический темперамент, потенциальную неистовость своей натуры.

Характерно для Б.М. Теплова и то, что его устная речь была совсем не похожа на письменную. Все его научные труды и научно-популярные публикации написаны безупречно правильным литературным языком, ясно и точно. Но в них нет ни эмоциональности автора, ни блесков его остроумия. Устные же высказывания Б.М. Теплова, его публичные выступления несли мощный эмоциональный заряд, поражали яркостью, свежестью. Его реплики, высказывания воспринимались как живое слово — в них были новизна и особая острота формулировок; впечатление от произносимого им определялось не только тем, что он выступал всегда компетентно и по существу дела, но и тем, что его фразы были неприглаженными, непосредственно передающими процесс мышления. Неожиданная смелость ходов его мысли и особое интонационное напряжение позволяли ему властно овладевать вниманием слушателей. К тому же чувствовалось, что он мог бы сказать большее и «задиристее», что он «тормозит» себя. Написанное Б.М. Тепловым дает лишь малое представление о его необыкновенной личности.

Нужно сказать и о том, что он был самоотверженным тружеником в науке. Он мог аскетически «напускать на себя окаянство» (его шутовское выражение) и, не щадя себя в много-

часовых ежедневных усилиях, выполнять задуманное.

Да, его талант, его характер были таковы, что он мог на высшем профессиональном уровне разрабатывать узкоспециальные вопросы сенсорики, столь же квалифицированно и углубленно, но уже имея дело с совсем иной психологической реальностью и используя другие методы, проникать в особенности психики одаренных личностей, выполнять добросовестнейшие работы по истории психологии, и он же проявил себя выдающимся организатором, замечательным научным руководителем.

Автор «Психологии музыкальных способностей» и «Ума полководца», квалифицированнейший знаток истории психологии, он, казалось бы, мог написать труд по психологии индивидуальности, который стал бы событием в нашей науке. Такой труд был запланирован, к нему он тянулся, но откладывал работу над ним, так как логика возглавляемых им исследований требовала дальнейшего углубления в психофизиологию. Жизнь оборвалась неожиданно...

Нет надобности «спрямлять» научные искания Б.М. Теплова, например, усматривать только преемственность в его переходе от психологии способностей к изучению свойств нервной системы (хотя и «сквозные линии» здесь тоже были). Судя по всему, определенная разобщенность его работ, их разноплановость были также следствием богатства его натуры, откликавшейся на «все впечатления бытия». Б.М. Теплову была чужда профессиональная ограниченность. Он был ученым, который выше «специальности».

Велика, необычайна была одаренность Б.М. Теплова. У него была трудная жизнь, но он многое успел сделать в науке и многое из начатого им продолжили его ученики¹¹.

¹¹ См.: Умрихин В.В. Развитие советской школы дифференциальной психофизиологии. М., 1987; Голубева Э.А. Способности и индивидуальность. М., 1993.

Кремль. На соборной площади.
Успенский собор

Здание Третьяковской галереи.
Лаврушинский переулок

Особо следует сказать о Б.М. Теплове как о москвиче. Он очень хорошо знал и любил город, с юных лет ставший ему родным. Он рассказывал, как в студенческие годы много бродил по московским улицам и переулкам, стремясь проходить через Кремль, где брал в соборах просфорки, которыми подкреплялся. Он знал многие дома в Москве, связанные с именами композиторов, писателей, художников.

Еще в первые годы научной работы (будучи в РККА) он стремился опираться на высокий научный потенциал Москвы: установил кон-

такты с видными московскими учеными — академиками Н.Н. Лузиным (математик), П.П. Лазаревым (физик) и другими, приобщая их к некоторым аспектам своей работы, которая велась на подлинно «столичном» уровне.

В годы войны Б.М. Теплов мужественно вступил в московское ополчение, когда был отозван обратно в институт, охранял его здание — дежурил на крыше во время налетов на город. Во время одного из таких дежурств бомба разорвалась во дворе университета; взрывной волной были выбиты рамы и стекла в ряде помещений института, обрушилась штукатур-

ка. Борис Михайлович оставался на посту и всю последующую часть ночи вместе с другими участвовал в очистке помещений¹².

Все годы работы в Психологическом институте он поддерживал тесные контакты с Московской консерваторией. Некоторые музыканты-теоретики, работавшие в консерватории, пользовались его консультациями, готовили при его участии свои диссертации и книги. Он привлек к работе в институте одного из крупнейших пианистов того времени — К.Н. Игумнова. Беседы с ним Бориса Михайловича по вопросам исполнительского творчества стенографировались (записи этих бесед уже после смерти Б.М. Теплова были опубликованы в одном из сборников работ сотрудников Московской консерватории).

Борис Михайлович был лично знаком со многими представителями творческой интеллигенции Москвы. Им был приглашен в Психологический институт художник и психолог Н.Н. Волков (на заведование лабораторией психологии искусства). Он любил посещать вместе с ним Третьяковскую галерею, бывал в мастерских московских скульпторов и художников. В период, когда Б.М. Теплов заведовал по совместительству кафедрой психологии и логики в Академии общественных наук, он привлек к работе на кафедре логика П.С. Попова, друга писателя М.А. Булгакова. Он ценил талантливых людей, разыскивал их в Москве.

Желанным гостем был Б.М. Теплов в институте художественного воспитания Академии педагогических наук, где он во многом содействовал «психологизации» проводимых там педагогических исследований. К нему тянулись педагоги и психологи и из других институтов АПН и педвузов Москвы. Его чаще, чем

кого-либо, стремились заполучить в качестве официального оппонента готовившихся диссертаций.

Б.М. Теплов представлял психологию на проходивших в Москве всесоюзных и международных конференциях ученых смежных наук, например, на конференции, посвященной столетию И.М. Сеченова, на конгрессе антропологических и этнографических наук, на совещании по философским вопросам высшей нервной деятельности и др.

Как уже отмечалось, среди самих московских психологов авторитет Б.М. Теплова был исключительно велик. Он был первым зав. кафедрой психологии на впервые создаваемом психологическом факультете МГУ (но это было недолго).

Б.М. Теплов жил всей полнотой духовной жизни. Он был больше, чем ученый: он не замыкался в книжных или лабораторных занятиях. Возможно, один из главных его талантов проявлялся в том, что уже само присутствие его личности в психологии в той или иной мере приподнимало интеллектуальный и нравственный уровень его коллег (упоминания об этом неоднократно встречаются в воспоминаниях о нем).

И как ученому, и как человеку ему было свойственно интересоваться людьми, видеть в каждом неповторимую индивидуальность. Годы его творческой работы пришлись на эпоху, когда о ценности индивидуальности не принято было говорить... Не случайно, что проблемой, на которой он сосредоточился, которая была ему особенно близка и которую он считал наиболее значимой, была подлинно гуманистическая проблема индивидуальных различий.

Н.С. Лейтес

¹² См.: Смирнов А.А. Теплов по воспоминаниям о нем // Психология и психофизиология индивидуальных различий. М., 1977. С. 15.